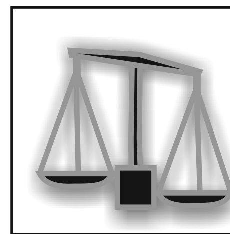
Права

УДК 342.4

Г. А. ВАСИЛЕВИЧ, Д. Г. ВАСИЛЕВИЧ

НАРОД И ГОСУДАРСТВО КАК ВАЖНЕЙШИЕ СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматриваются конституционно-правовые отношения, дана их классификация и раскрыто основное содержание. Уделено внимание основным субъектам конституционно-правовых отношений – народу и государству. Подчеркивается, что конституционно-правовые отношения составляют ядро национальной правовой системы. От того, насколько оптимально конституционные нормы и принципы регулируют общественные отношения, зависят темпы становления нашего государства в качестве правового, демократического, социального. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: конституционно-правовые отношения; народ; государство.

The features of the constitutional-legal relations, their classification is given constitutional and legal relations and the summary of the content. Paying attention to the main subject of constitutional-legal relations – the people and the state. It is emphasized that the constitutional-legal relations form the core of the national legal system. On how optimal constitutional rules and principles govern the social relations depend on the rate of formation of our state as a legal democratic social. Makes proposals to improve the legislation.

Key words: constitutional and legal relations; the people; state.

Правовым отношениям в целом и конституционным правовым отношениям в частности в литературе уделялось много внимания как в советский [1–4], так и в постсоветский период [5–7].

По справедливому замечанию выдающегося русского философа и правоведа И. А. Ильина, «отношение людей будет только тогда правоотношением, если правовые нормы предусмотрят его и укажут, какие правовые последствия оно влечет за собою <…> Это можно выразить так, что каждое отношение людей есть правоотношение лишь постольку, поскольку оно есть встреча правовых полномочий, запретностей и обязанностей, принадлежащих разным субъектам прав. Люди участвуют в правоотношениях не как простые люди, но как субъекты прав, способные участвовать в таком правоотношении; поскольку их слова и дела оказываются юридическими действиями, за которые они отвечают; предмет их претензии становится предметом правового притязания; их обещание создает для одного правовое обязательство, а для другого, получившего обещание и ожидающего его исполнения, – правовое притязание (т. е. основание требовать); их приказ получает также правовое значение и становится властным распоряжением» [8].

По степени обобщенности конституционно-правового воздействия на общественные отношения конституционно-правовые отношения можно разделить на общие и конкретные. Конституционным правоотношениям присущ высокий уровень обобщенности. К общим конституционно-правовым отношениям известный российский конституционалист С. А. Авакьян относит «так называемые правовые состояния». «Эти отношения существуют объективно, вне зависимости от конкретных действий соответствующих субъектов. Более того, им не надо совершать каких-либо действий в подтверждение правового состояния» [9, с. 33]. Однако это не значит, что они, как утверждает Р. О. Халфина, «реализуются не непосредственно в правоотношениях, а через акты, детализирующие» [10, с. 56 – 57]. Полностью разделяем критическую на этот счет позицию В. О. Лучина, который подчеркивает, что общие конституционные правоотношения все равно предполагают их связь с деятельностью, поведением, определением субъектов, в том числе посредством реализации конституционных принципов, основных прав и обязанностей граждан, а «конструкция общих правоотношений как формы юридических связей между государством и другими субъектами правового общения наиболее отвечает характеру конституционного регулирования» [6, с. 114 – 115].

Основной акцент при определении значения и сущности указанного вида конституционно-правовых отношений мы делаем на том, что они предопределяют вектор общественного и правового развития, а в конституционном (цивилизованном) государстве оказывают мощное системное влияние на весь спектр конкретных правовых отношений. Последним, т. е. конкретным, конституционным правоотношениям присуще наличие определенных сторон. Эти отношения возникают при совершении соответствующих действий субъектами права либо наступлении какого-либо события, т. е. юридический факт влечет возникновение, изменение или прекращение правоотношений (например, подписание закона, рождение ребенка как основание приобретения им гражданства в силу рождения и т. п.).

Для конкретных конституционно-правовых отношений характерно действие принципа власти и подчинения, т. е. одни и те же субъекты могут как обладать властью, так и быть подчиненными.

Для конституционных правоотношений характерен соответствующий круг субъектов, среди которых есть присущие только данному виду правоотношений. К субъектам конституционных правоотношений традиционно относят социальные и национальные общности (народ, нации, народности); государство и его составные части; органы государственной власти; органы местного самоуправления; человека и гражданина; общественные объединения и политические партии; коллективы граждан; избирательные комиссии и комиссии по проведению референдумов; депутатов и иных выборных лиц.

Субъекты конституционных правоотношений отличаются своим статусом. При этом особое положение занимает народ, как главный субъект конституционных правоотношений. В праве (в частности, в конституциях) обычно подчеркивается, что народ является единственным источником власти. Действительно, в условиях демократии власть находится в руках народа. В юридической и философской литературе дается множество определений демократии. Довольно часто она определяется как власть большинства. Для того чтобы исключить ситуацию отторжения власти от народа, заставить власть служить людям, в конституциях и закрепляются равенство и взаимная ответственность государства и личности (ст. 2 Конституции Республики Беларусь). Тем самым предполагается взаимодействие власти и подвластных. По мнению профессора А. Мишина, демократия без государственной власти существовать не может [11, с. 174].

Для развития любого государства (особенно в переходный период – период трансформации политико-правовой системы) важно сохранить базовый консенсус в обществе, исключить отчуждение власти и народа, государственного аппарата и гражданина, центра и регионов. Как справедливо замечает В. Е. Гулиев, конституционно декларированный статус государства как правового предопределяет выдвижение ориентиров правомерного поведения гражданина и государства, создает легальную основу борьбы за право и законность [12, с. 7].

Народ относится к тем субъектам, которые не могут быть участниками других правоотношений. Например, в силу обладания суверенитетом народ принимает наиболее важные, судьбоносные решения. Так, преамбула Конституции Республики Беларусь, принятой путем народного голосования, начинается со слов: «Мы, народ Республики Беларусь...» В ст. 3 Основного Закона определено, что носителем суверенитета в Республике Беларусь и единственным источником государственной власти является народ, который осуществляет ее непосредственно либо через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией Республики Беларусь. Таким образом, можно отметить верховенство народного суверенитета.

Исходя из идеи народного суверенитета, верховенства власти народа, в ст. 77 Конституции Республики Беларусь закреплено, что решения, принятые референдумом, могут быть отменены или изменены только путем референдума, если иное не будет определено референдумом. Эта емкая формула означает, что народ может делегировать Национальному собранию Республики Беларусь (далее – Национальное собрание) или Президенту (или другому органу, который будет обладать представительными или учредительными полномочиями, – например, конституционной ассамблее) право реализовывать закон, принятый на референдуме. При этом, полагаем, к делегированию народом своих прав законодательному органу нельзя применять по аналогии те требования, которые зафиксированы в ч. 2 ст. 101 Конституции Республики Беларусь, где изложены правила делегирования Национальным собранием своих полномочий Президенту. Если же этого не происходит, т. е. нет такого делегирования, то зафиксированные в законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» правила действия актов и их юридическая сила неприменимы. Например, закон, принятый на референдуме, по юридической силе будет выше, чем кодекс, программный закон или «новый» закон, даже принятый Национальным собранием после принятия закона на референдуме.

Следующим специфическим субъектом конституционно-правовых отношений является государство. Оно также может быть участником конституционно-правовых отношений, выступая в них как в целом, так и через органы власти, а также должностных лиц.

В мировой практике наблюдается явная тенденция к ослаблению государства как института в связи с процессами глобализации и созданием наднациональных структур, обладающих существенными полномочиями по отношению к национальным государствам. Так, например, в Европе вначале в рамках Европейского сообщества, а в настоящее время – Европейского союза сформировался подход, согласно которому его учредительные договоры обладают более высокой юридической силой, чем национальные конституции.

Исходя из анализа интеграционных процессов на просторах Европы и СНГ, есть основания утверждать, что в настоящее время идет активный процесс создания и развития интеграционного права евразийской формации, представляющего собой совокупность норм учредительных и иных международных договоров, а также актов наднациональных органов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), которые регулируют общественные отношения, складывающиеся в ходе интеграционных процессов в рамках указанного межгосударственного образования, и его отношения с государствами – членами ЕАЭС, иными государствами и организациями.

Рост национального самосознания – прогрессивное явление. Однако этот процесс может захватить общественные отношения настолько глубоко, что повлечет за собой дезинтеграцию государства и распад его на более мелкие образования. С одной стороны, власть не должна быть «распыленной», иначе под угрозой могут оказаться единство и территориальная целостность государства и его правовой системы. Центробежные силы могут набрать такую мощь, что для сохранения государства придется использовать силу. С другой стороны, излишняя «централизация» власти сковывает инициативу, порождает иждивенческие настроения, отчуждает власть от народа. Выход, на наш взгляд, заключается в поиске баланса интересов между центром и регионами на основе принципов функционирования демократического государства. Здесь можно использовать не только Европейскую хартию местного самоуправления, но и концепцию не вступившей в силу Конституции Европы, в которой в качестве одного из фундаментальных закреплен принцип передачи «наверх» только тех вопросов, которые могут быть наиболее успешно там решены. Все остальное должно решаться национальными государствами или применительно к рассматриваемому нами вопросу – на локальном уровне.

Многие ученые-юристы считают, что полного разделения властей быть не должно. Однако разделение властей – препятствие к превышению власти, произволу. Например, американская модель исключает дуализм исполнительной власти, при котором есть соперничество. Эта модель доказала свою устойчивость. Она не допускает двоевластия в политической системе даже тогда, когда президент США и большинство конгресса принадлежат к разным партиям. Это обеспечивает единство государственной политики. Президент США рассматривается как ведущий общенациональный политический лидер. Именно он обладает максимумом инициативы.

Следует иметь в виду, что Национальное собрание и Президент своими актами практически охватывают все сферы общественных отношений. Конечно, каждая из этих инстанций обладает собственными полномочиями. Ограничение пределов власти народа (по существу, его самоограничение с учетом положений ст. 78 Конституции и ст. 112 Избирательного кодекса) допустимо лишь с учетом природы и характера вопросов, предлагаемых на референдум.

На наш взгляд, перечень вопросов, которые не могут быть вынесены на республиканский референдум, следовало бы дополнить, а некоторые из имеющихся уточнить. Например, в ч. 3 ст. 112 Избирательного кодекса надо указать, что речь идет не просто об «освобождении» Президента, а об освобождении его от должности. Не следует выносить на референдум вопрос о досрочном прекращении полномочий Национального собрания (его палат), а также вопросы, находящиеся в юрисдикции судебных органов.

Полагаем, назревшим является принятие специального акта в виде закона, в котором комплексно были бы решены вопросы ответственности государства в сфере управления, включая правосудие. Тем самым удалось бы поставить на прочную правовую основу выполнение государством его универсального обязательства по созданию надлежащего внутреннего и международного порядка в целях полного осуществления предусмотренных Конституцией прав и свобод граждан. В этом законе необходимо закрепить (и самое главное реализовать затем на практике) следующие нормы (они есть в Конституции Российской Федерации): «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство гарантирует потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Принятие такого специального закона поспособствует укреплению доверия граждан к государству, так как будет обеспечено полное и своевременное возмещение причиненного им вреда. Ответственность Совета Министров Республики Беларусь, как органа исполнительной власти (по существу, субъекта), исполняющего закон о бюджете, предполагает ответственность независимо от вины отдельных государственных служащих.

Субъекты конституционно-правовых отношений не всегда являются равноправными. Одни и те же субъекты, в зависимости от вида возникшего конституционного правоотношения, могут меняться ролями: в одних случаях они выступают властной стороной, а в других – подчиненной (например, Президент и Национальное собрание при решении вопросов о конституционно-правовой ответственности).

Конституционно-правовые отношения составляют ядро национальной правовой системы. От того, насколько оптимально конституционные нормы и принципы регулируют общественные отношения, зависят темпы становления нашего государства в качестве правового, демократического, социального, в котором высшей ценностью является человек со своими правами, свободами и обязанностями и в котором обеспечивается баланс личных и общественных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гревцов Ю. И.* Проблемы теории правового отношения. Л., 1981.
2. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л., 1959.
3. *Коток В. Ф.* Конституционно-правовые отношения в социалистических странах // Правоведение. 1962. № 1. С. 41–52.
4. *Основин В. С.* Советские государственно-правовые отношения. М., 1965.
5. *Кучинский В. А.* Современное учение о правовых отношениях. Минск, 2008.
6. *Лучин В. О.* Конституционные нормы и правоотношения : учеб. пособие для вузов. М., 1997.
7. *Чиркин В. Е.* Конституционное право. М., 2013.
8. *Ильин И. А.* Общее учение о праве и государстве // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4.
9. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1.
10. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношениях. М., 1974.
11. *Мишин А.* Государственное право буржуазных и развивающихся стран. М., 1989.
12. *Гулиев В. Е.* Протодемократическая государственность: аксиологическая феноменология отчуждения // Право и политика. 2001. № 5. С. 4–13.

Поступила в редакцию 13.05.2015.

Григорий Алексеевич Василевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета БГУ.

Дмитрий Григорьевич Василевич – кандидат юридических наук.

УДК 341.44

А. А. ХУРСЕВИЧ

ЭКСТРАДИЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Исследуются вопросы роли и значения экстрадиции в сфере оказания международной правовой помощи по уголовным делам; представлен генезис института экстрадиции; содержатся сведения об исторических документах, в которых впервые письменно закреплены положения, касающиеся выдачи преступников; изучаются различные научные подходы, дающие трактовку понятия экстрадиции (выдачи); акцентируется внимание на факторе прав человека в процессе реализации процедуры экстрадиции; излагаются наиболее существенные основания для отказа в выдаче лица; приводится сравнительно-правовая характеристика особенностей конституционного регулирования экстрадиции в различных странах; описывается договорно-правовая база ряда государств в области экстрадиции как наиболее эффективная форма международного сотрудничества.

Ключевые слова: институт выдачи; конвенция; конституционные основы; международные договоры; международное уголовное право; права человека; правовая помощь; принцип взаимности; экстрадиция.

The article examines the questions of the role and importance of extradition in the provision of international legal assistance in criminal matters; presented the genesis of the institute of extradition; contains information about the historical documents, which are written down for the first time provisions relating to extradition; studies various scientific approaches, giving interpretation of the concept of extradition (issuance); focuses on the factor of human rights in the implementation of extradition procedures; outlines the most significant grounds for refusing extradition; provides a comparative-legal characteristic features of the constitutional regulation of extradition in different countries; describes the legal base of a number of states in the field of extradition as the most effective form of international cooperation.

Key words: institute of issuance; convention; the constitutional foundations; international treaties; international criminal law; human rights; legal assistance; the principle of reciprocity; extradition.

Углубление интеграционных процессов в международном сообществе, когда границы между государствами становятся все более прозрачными, возникновение и распространение новых, все более изощренных форм транснациональной преступности, охватывающей территории нескольких государств, приводят к необходимости противодействия связанным с этим негативным явлениям.

Одним из инструментов международного уголовного права, позволяющим привлекать к уголовной ответственности лиц, нарушающих закон в одних странах, а затем свободно перемещающихся в другие, на которые не распространяется юрисдикция государств, в которых совершены преступления, является институт выдачи (экстрадиции).

Экстрадиция – старейший институт международного уголовного права. Исторически концепция экстрадиции, сводящая ее к выдаче преступников, уходит во времена феодализма. В то время она обозначалась латинским термином *extradere* – принудительное возвращение беглого подданного своему суверену. В условиях современности речь идет о государстве, гражданином которого соответствующая личность является.

Одним из самых первых документов, связанных с выдачей, является договор о мире и дружбе, заключенный в 1296 г. до н. э. (по другим оценкам – в 1278 г. до н. э.) между египетским фараоном Рамсесом II и царем хеттов Хеттушилом III, в котором прописано, что «если убежит из земли египетской один человек, или два, или три, чтобы прийти к великому князю страны хеттов, великий князь страны хеттов должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамсесу II… Что же касается человека, которого приведут к Рамсесу II… пусть не взыщут с него вины, пусть не уничтожат его дом, его жен и его детей (пусть не убьют его), пусть не повредят его глаз, его ушей, его рта и ног, всего его…» Со своей стороны Египет был связан аналогичными обязательствами [1, с. 16–17].

Российские ученые А. К. Романов, О. Б. Лысягин рассматривают экстрадицию как один из древнейших институтов международного уголовного права, предлагая дифференцировать понятие экстрадиции от понятия выдачи [2].